

НАРКОМАНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ: В ПОИСКАХ СМЫСЛА ЖИЗНИ И САМОГО СЕБЯ. ЧАСТЬ 1. ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАРКОМАНИЙ

Арпентьева М.Р.

Арпентьева Мариям Равильевна

доктор психологической наук, член-корреспондент Российской академии естествознания, профессор кафедры психологии развития и образования; федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского», ул. Степана Разина, 26, Калуга, 248023, Россия. Тел.: 8 (4842) 57-80-38;

ведущий научный сотрудник кафедры теории и методики физического воспитания; федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Югорский государственный университет», ул. Чехова, 16, Ханты-Мансийск, 628012, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Россия. Тел.: 8 (3467) 357-871.

E-mail: mariam_rav@mail.ru

Аннотация. Одна из деструктивных реакций на социальный кризис — утрата смысла жизни. Данное нарушение возникает как результат стремления человека стать лучше и сделать мир лучше, а так же из-за понимания того, что даже те, кто находятся рядом с ним и транслируют данные цели как общие, не только не становятся «лучше», но демонстрируют поступки и отношения, переживаемые человеком как предательство духовно-нравственных ценностей, предательство самих себя и окружающих людей. Социальный кризис и нестабильность в общественных отношениях ведут не только к разочарованию в себе и людях, но подчас к отчаянию в возможности найти истинные, непреложные ценности — как основы бытия и осмысленности жизни, отчаянию в возможности найти в мире людей «истинно верующих», живущих по законам любви. Эти процессы часто приводят людей к наркоманиям, лечение которых необходимым образом должно сопровождаться помощью в восстановлении смысла жизни.

Ключевые слова: наркомания; социальная нестабильность; смысл жизни; экзистенция; исполненность.

УДК 159.923:616.89-008.441.13

Библиографическая ссылка

Арпентьева М.Р. Наркомания и социальная нестабильность: в поисках смысла жизни и самого себя. Часть 1. Традиционные и современные исследования наркоманий // Медицинская психология в России. – 2018. – Т. 10, № 5. – С. 2. doi: 10.24411/2219-8245-2018-15020

Поступила в редакцию: 11.06.2018 Прошла рецензирование: 09.10.2018 Опубликовано: 16.12.2018

*«Познать пограничные ситуации
и существовать — это одно и то же».*

К. Ясперс, 1956

Введение

Наркомании как нарушения сложной этиологии и природы находятся на пересечении различных классификаций, в том числе классификаций болезней (соматических и психических деформаций), аддикций (поведенческих деформаций) и духовно-личностных деформаций. Вклад соматических, психических и социальных деформаций в возникновение и развитие наркоманий бывает различен, однако всегда присутствуют все типы нарушений: в виде причин, проявлений и последствий. Это ставит перед исследователем и практиком ряд вопросов, включая вопросы о том, как наркомании могут определены, в чем их суть (медицинская, психологическая,

нравственная и т.д.) как могут быть предупреждены и/или исцелены в контексте разных подходов (медицинского, психологического, социального и др.), как должны соотноситься эти разные подходы и каковы возможности каждого из них.

Цель исследования — теоретический анализ современных исследований возникновения, развития и коррекции наркологических заболеваний в рамках представлений о наркологических нарушениях как последствиях нравственной трансгрессии (десакрализации) и потери смысла жизни.

Материалы и методы исследования

В статье осуществляется теоретический анализ наиболее значимых классических и современных исследований, посвященных возникновению, развитию и коррекции алкоголизма, наркоманий и иных биохимических зависимостей в контексте представлений о единой группе «наркологических нарушений», а также в рамках понятий о трансгрессии и трансценденции базовых ценностей и смысла жизни как об основных причинах, проявлениях и результатах данных нарушений. В настоящее время существует недостаток работ, исследующих духовную сферу зависимых лиц (в том числе как сферу «Сверх-Я» или сферу интроекции родительских и культурных объектов), включая работы, исполненные в рамках экзистенциальной психологии и интегрирующие исследования, накопленные в отношении разных форм биохимических и иных зависимостей. В преодолении этого пробела представляется важным осмыслить вклад десакрализации как фактора, способствующего возникновению и развитию зависимости от разного рода ПАВ, выделить в современной науке и практике ведущие идеи относительно возникновения и коррекции наркологических нарушений в контексте феноменов десакрализации и ресакрализации, утери и восстановления смысла жизни. В качестве ведущих выбраны работы специалистов экзистенциально-гуманистического направления, традиционно уделяющих данным феноменам наибольшее внимание и рассматривающих их *par excellence* как феномены духовно-нравственного кризиса ([21; 23; 37; 38] и др.). К сожалению, работы, напрямую касающиеся связи наркологической проблематики с аксиологическими аспектами жизни человека и «пациента», малочисленны и фрагментарны: существует несколько интересных исследований, представляющих собой, однако, скорее, постановку проблемы, чем ее решение ([9; 11; 17; 29] и др.). Таким образом, корпус научных данных в этой сфере представлен двумя основными группами источников, которые и подвергаются нашему изучению.

В своей работе мы исходим из того, что исторически проблема наркоманий изучалась как проблема медицинская (психиатрическая) и социальная. В XX веке длительное время в центре внимания врачей находилась не конкретная личность с болезненно деформированным внутренним миром и патологизирующей средой обитания, а «дезадаптированный» больной. «Деадаптированность» означала недостаточную приспособленность к выполнению социальных функций и/или уклонение от их выполнения, связанные с признаками социального «снижения» (деградации) и конфликтов с социальной средой (более или менее близким окружением). О личности больного алкоголизмом или наркоманией как о предмете реабилитации вопрос, как правило, не стоял. Более того, до сих пор, вопреки неоднократному признанию алкоголя и табака наркотиками, в понятие «наркологический больной» алкоголизм как алкогольная зависимость не включается. Алкоголизм рассматривается отдельно от иных наркоманий, а люди, употребляющие алкоголь (в относительно малых дозах) и табак (в любых дозах), вообще не считаются больными. Аналогично, общество скорее поощряет, чем запрещает алкоголизм и табакокурение и иные виды химических и нехимических зависимостей. Это тем более интересно, что в самой группе «наркоманий» специалисты, ученые и практики до сих пор выделяют целый спектр различных по своим социальным и медицинским последствиям групп, исследуя особенности разных видов наркоманий. Все это существенно затрудняло и затрудняет исследование и решение проблемы, выделение единых, смыслообразующих основ наркоманий и их исцеления, поскольку разделяет наркомании как психофизиологические зависимости на: а) разрешенные и

поощряемые социумом виды потребления наркотических веществ; б) запрещённые. Более того, само изучение наркоманий лицами, лично не заинтересованными в прекращении употребления веществ, модифицирующих состояние сознания и формирующих зависимости, представляется с научной точки зрения сомнительным («эффект экспериментатора» и иные побочные эффекты тенденциозной интерпретации результатов могут свести на нет все достижения ученых).

Однако в современной науке и практике наркомания рассматривается и с точки зрения ее социальных и психологических основ (предпосылок, последствий и методов помощи), в том числе в контексте понятия об аддикциях и их видах. Кроме того, в последнее время все больше внимания уделяется психологическим и социальным аспектам наркоманий, включающим рассмотрение наркоманий как социально опасных и значимых болезней, связанных с деформациями нравственных аспектов отношений человека к себе и миру, к жизни в целом, с порождающими эти деформации микросоциальными и макросоциальными стрессами, нравственно, психологически и физически травмирующими больных условиями жизни. Особое внимание уделяется проблемам макросоциальных стрессов и нестабильности социальных отношений как важного фактора возникновения и развития, а также массового распространения наркоманий, превращения наркоманий в хотя и нарушенную, но повседневность. Так, потребление алкоголя, табака (никотина), марихуаны и т.д. давно стало практически нормой, с которой сообщества борются лишь постольку, поскольку употребляющие их не втянуты в иной, более значимый микросоциальный или макросоциальный конфликт или в другое, затрагивающее большие массы нарушение. Еще один вариант — когда у сообществ есть понимание ситуации и воля к продуктивному преобразованию себя и мира.

Наркомании определяются как хронические заболевания, вызываемые злоупотреблением лекарственными или нелекарственными наркотическими средствами. Для них свойственно возникновение и развитие патологического влечения к наркотическому средству (психическая зависимость), изменение толерантности к наркотическому средству с тенденцией к увеличению доз и развитием физической зависимости, проявляющейся абстинентным синдромом, при прекращении приема наркотических веществ. Наркотиками называют сейчас запрещённые психоактивные вещества вне зависимости от их фармакологических свойств (*illegal drugs*). Однако изначально наркотик означал химический агент, вызывающий ступор или торможение сознания, кому или потерю сознания и/или нечувствительность к боли (*narcotic drugs*). Исходя из этого смысла, возникает возможность поиска общих причин наркоманий как нарушений, связанных с десакрализацией и разрушением смысла жизни больных. Очевидно, что эти процессы тесно связаны с социальным неблагополучием в целом.

Наркомании — яркий сигнал деформации культуры, психологически и социально связанной с отказом от запретов, трансгрессивным выходом человека за рамки декларируемых ценностей любви, здоровья и т.д., совершаемым в результате массовой дереференции ценностей (десакрализации) в процессе удовлетворения сообществом и его членами своих все более растущих желаний (консюмеризм). Кроме того, трансгрессия и десакрализация в форме отрицания смысла жизни, ведущие к разрушению личности наркологического больного, ее деформациям, являются не только результатом социальных и иных кризисов во внешнем мире, но и результатом патологической личностной организации. Например, фиксация человека на собственных и чужих желаниях и отказ считаться с нуждами — своими и иных людей — это основа нарциссического и/или диссоциального личностных расстройств. Обычная причина этого — неудачная или незавершённая интроекция позитивных патерналистических объектов, отсутствие или отрицание наличия данных объектов в жизненной реальности больного [21].

Личность наркомана — личность, полагающая себя индивидуальностью, свободной от социальных запретов, и сфокусировавшаяся на своих правах, а также отказавшаяся от своих обязанностей и игнорирующая реальную ограниченность своего бытия в виде отдельного и отделенного от общества индивида, который, по мере втягивания в

процесс реализации собственных желаний, все более деградирует как духовное, социальное и физическое существо. Наркомания часто осмысливается психологами, священнослужителями и другими исследователями ее экзистенциальных аспектов как «смерть при жизни»: как духовная смерть или духовная болезнь человека, возникающая в связи с крушением и осмеянием человеком духовно-нравственных основ своего и социального бытия [16]. И чем более тотально такое отвержение нравственности — самим человеком и в окружающем его в сообществе, чем больше социальный кризис затрагивает собственно нравственные аспекты отношений, тем больше в нем страдающих от наркоманий.

Обсуждение результатов исследования

Рассматривая классические и современные исследования наркоманий, к которым мы также относим алкоголизм и некоторые иные «разрешенные» зависимости, мы выделили две основных группы исследований:

- 1) классические, экзистенциально-гуманистические и социологические исследования социальных и духовно-нравственных аспектов наркоманий;
- 2) современные исследования этических проблем психотерапевтической помощи наркоманам, обращенные к восстановлению и развитию духовно-нравственных, смысложизненных аспектов их бытия.

В современной экзистенциальной психологии и философии исследуются вопросы соотношения трансгрессивных и трансцендентных «выходов» из кризисов макросоциального и микросоциального бытия, интегрирующие классические и современные представления о сути наркоманий и иных трансгрессий как деструктивных способов решения данных кризисов и связанных с ними конфликтов. Рассмотрим каждую из групп исследований.

1. Наркомания как кризис экзистенции: социальные и персональные аспекты

Один из первых исследователей аномии, социолог Р. Мертон, полагал, что девиация — неизбежная реакция индивида на ситуацию, когда в обществе существует разрыв между реальными и декларируемыми культурой целями и средствами их достижения. Р. Мертон выделил виды девиантного поведения, среди которых ретретизм (включая наркотизм) характеризуется отрицанием целей общества и способов их достижения [23]. Для него наркотизм — проблема представителей конкретных социально-экономических групп, часто групп маргинальных: макросоциальные «факторы риска» часто провоцируют субъектов к попаданию в наркодевиантную нишу [7]. Другой известный социолог, Э. Гидденс, отмечал, что то, «что считать отклонением, зависит от времени и места; поведение «нормальное» при одном наборе культурных установок будет расценено как «отклоняющееся» при другом» [11, с. 115]. Так, наркомания в России и иных странах перестала быть маргинальной, из атрибута определенных субкультур становясь нормальной, общепринятой социальной практикой: легализация наркотиков, помимо алкоголя и никотина, в России продолжается [30, с. 418–419].

Представитель экзистенциально-философской школы Э. Фромм также отмечал, что современное общество настроено потребительски, и наркомании и иные девиации в нем нормализовались. Он прямо соотносил феномен наркомании с идеологией потребительства, состояниями отчужденного одиночества и «бегства от свободы», выбора модуса «иметь» вместо «быть». Исследователь указывал, что человек часто живет отчужденно, ведет жизнь, деструктивную в своей ценностно-смысловой основе. Он движется в конфликте стремления к независимости и имеющегося в настоящее время состояния своей независимости. Один из путей избежать конфликта, трансформировать его — отдать себя во власть алкоголя или иного наркотика [36]. Таким образом, к деструкции духовной, деструкции ценностей и отношений добавляется деструкция поведения и общения, а также самого тела человека.

Аналогично, в теории личности К. Роджерса наркомании и иные аддикции рассматриваются как следствия рассогласования «реального Я» и «идеального Я»: возникает страх нереализованных желаний («тревога»), происходит нарушение психологической адаптации, и они приводят к личностной и социальной незрелости и деформациям, деструкции ценностей и поведения (аддикции и т.д.). Наркомании — результат отсутствия принятия и эмпатии, итог неконгруэнтности и деперсонализации [28].

Близка к представлениям К. Роджерса и позиция А. Маслоу: причиной нарушений в развитии человека являются отказ от развития и десакрализация: человек избегает самореализации из-за ложного страха неуспеха и стремления экономить усилия, а невежество и избалованность вниманием приводят его к десакрализации, неуважению себя и мира. Наркомания — удобный предлог, из которого человек извлекает «вторичную выгоду», оправдывая ею нежелание и, якобы, неспособность развиваться. На самом деле он просто не хочет этого, фиксируясь на выбранном им уровне функционирования, позволяющем реализовать те или иные значимые для него желания в относительно «безопасной» для его понимания себя и мира обстановке [21].

Многочисленными экспериментами и наблюдениями было установлено, что для того, чтобы жить и развиваться, человек должен иметь смысл и верить в него, знать, что его жизнь и поступки осмыслены и имеют цель в ряду жизненных целей. «Даже самоубийца верит в смысл — если не жизни, то смерти», — отмечал В. Франкл [38]. Согласно В. Франклу, приобщение к наркотику связано с фрустрацией стремления к смыслу. Если у человека нет смысла жизни, осуществление которого сделало бы его счастливым, он пытается добиться ощущения счастья с помощью химических препаратов [36, с. 30]. Обычные условия существования в современном обществе — это условия жизни со сниженными нравственными и иными требованиями: они лишают человека необходимости напряженного труда, готовности к переменам как развитию. В результате такой «расслабленности» человек, лишенный необходимости трудиться, выбирает замещающие труд формы, в том числе здоровые (например, спорт, путешествия) и нездоровые (пристрастие к наркотикам и иные виды деструктивных «встрясок»). Однако, если у человека нет смысла жизни, который делает его удовлетворенным собой и миром, счастливым и гармоничным, то он старается получить состояние счастья в обход поиска и осуществления смысла, например, с помощью химических препаратов [36]. Таким образом, причина и симптом наркомании — утрата смысла жизни. В. Франкл писал также, что экзистенциальный вакуум — причина тотальной невротизации человечества. Его воздействие не ограничивается чувством бессмысленности и ноогенными неврозами, но проявляется в так называемой «массовой невротической триаде»: депрессии — неприятию себя и мира, желании сделать мир лучше и понимании невозможности это сделать, наркомании (упорной фиксации на удовлетворении собственных фиктивных желаний в ущерб нуждам реальности) и агрессии (стремлении наказать себя и мир, не желающих исполнять все желания и возвращающих к реальности) [49, с. 96]. Эта триада, в частности, проявляет себя в росте числа самоубийств, преступности, сексомании, наркомании (включая алкоголизм и курение).

Экзистенциальный кризис как кризис отсутствия смысла жизни (экзистенциального вакуума) или кризис деформированности смысла (экзистенциальной неисполненности), по мнению В. Франкла, вызывает «ноогенные неврозы» — неврозы, связанные с трудностями при определении личностной позиции, при нахождении смысла и ценности жизни и т.д. Человек стремится обрести смысл и ощущает фрустрацию или вакуум, если данное стремление остается нереализованным. Необходимым условием психического здоровья является определенный уровень напряжения, alertности, возникающий между человеком и локализованным во внешнем мире объективным смыслом, который выбран им в качестве ориентира жизнедеятельности и развития [35; 38]. Важно то, что не столько человек ставит вопрос о смысле жизни, сколько жизнь ставит этот вопрос перед человеком. Смысл находится в мире, в объективной действительности, а потому выступает для человека требующим своей реализации императивом. Смыслу жизни свойственна самотрансценденция как ориентация на самопостижение и раскрытие

ограничений и способностей, стремление «проложить себя вовне», то есть осуществить в реальных действиях. При этом, постигая себя, человек может осмыслить себя как нечто самостоятельное по отношению к себе же, вступить в диалог с самим собой. Смысл жизни возникает в результате взаимодействия «внешнего» и «внутреннего», затем эмансипируется от того и другого, выступая как «буферный механизм» — система противовесов, не допускающих одностороннего увлечения «внешним» или «внутренним». Если человек извлекает из имеющейся у него ситуации опыт, не сетуя на отсутствие идеальных или желаемых обстоятельств, совершает то, что считает в этих обстоятельствах оптимально правильным, отмечает В. Франкл, значит, он сможет обнаружить и реализовать в ней смысл своей жизни, прожив ее полноценно, с чувством исполненности [35].

Экзистенциальная исполненность как понятие введена В. Франклом для отражения высокого и достойного человека, постоянного качества жизни человека в противовес более размытому, сиюминутному и обыденному понятию счастья [Там же]. Шаги по обнаружению смысла в экзистенциальной ситуации сформулированы В. Франклом: чтобы смысл обнаружил себя, человеку нужно следующее: осмыслить поле возможностей; внутренне соотноситься с имеющимися возможностями, «пропустить» их через себя как ценности; найти наиболее соответствующую ситуации и/или себе наилучшую возможность и принять решение; выбрать способы наилучшего действия в соответствии с принятым решением, внося смысл в жизнь. Это требует персональных предпосылок: рефлексии (возможности создавать внутреннее свободное пространство, объективизация, отстраненность от желаний и иллюзий ради обнаружения нужд и истины) и самотрансценденции (умение ощущать ценность или ясность переживаний, жить ради чего-то/кого-то, быть затронутым и чувствовать близость к чему-либо/кому-либо и сочувствовать), а также экзистенциальных способностей: свободы (способности находить реальные возможности действия, создавать из них иерархию в соответствии с ценностью и приходить к персонально обоснованному решению) и ответственности (обязательности, персональной включенности или чувство долга, умение доводить до конца решения, принятые на основании личных ценностей). Персональные предпосылки — это открытость для себя и для мира, отсутствия блокад базовых способностей, достижимость сущности человека, его персоны, насколько она доступна в человеческом измерении. Экзистенциальные способности — это умение конструктивно обходиться с внешним миром, решительно и ответственно идти в мир, включаться в жизнь, ориентироваться в нем, приходить к решениям и ответственно воплощать их в жизнь. Исполненность, таким образом, включает способность справляться с самим собой и с миром и способность отвечать на внутренние и внешние требования и предложения, соотнося их с собственными ценностями, заниматься самим собой и внешними жизненными ситуациями и прийти к сформированной со смыслом жизни, ведение которой может быть аутентично обосновано, находится в диалогическом обмене с миром и тем самым прийти к исполнению своей сущностной структуры — «экзистенциальному исполнению» [18; 41].

В. Франкл выделил пути и ценности, посредством которых человек может сделать свою жизнь осмысленной: во-первых, с помощью того, что он дает жизни (в смысле творческой работы); во-вторых, с помощью того, что он берет от мира (в смысле переживания ценностей), и, в-третьих, посредством позиции, которую человек занимает по отношению к судьбе, которую он может изменить в доступных ему пределах [37; 38]. В моменты кризиса, в момент вхождения в группу (так называемую «систему») наркоманов и отчуждения от остального мира вне нее, так же, как и в процессе вхождения в секту, а также в процессе столкновения с макросоциальными кризисами, ЧС, болезнями и смертью терминальные и инструментальные типы ценностей подвергаются так или иначе более или менее тотальному «пересмотру». Однако особого внимания при изучении жертв макросоциальных кризисов разной интенсивности и масштабы как жертв насилия заслуживает последняя группа: данные ценности становятся значимыми для человека, когда он оказывается во власти обстоятельств,

которые он временно или постоянно не в состоянии изменить (не может самостоятельно справиться с какими-то трудностями на работе, в семье, в себе самом). Конечно, человек свободен занять осмысленную позицию по отношению к трудностям и перипетиям жизни, придать своему страданию и счастью жизненный смысл. Кроме того, каждая ситуация жизни и развития несет в себе разный смысл, различный для разных людей: смысл меняется от личности к личности, от ситуации к ситуации. Людям, пережившим пограничный опыт, нередко сложно осознать, что смыслы не изобретаются и не навязываются, но их нужно искать и находить. Человек должен осмыслить или хотя бы выбрать свое призвание, в котором он и может обрести смысл. Однако многие люди полагают, что если смысл был утерян, то это — навсегда: жизнь завершена. Однако благодаря работе с психологом или духовным пастырем эти люди могут осознать то, что жизнь человека не может лишиться смысла ни при каких обстоятельствах, что смысл жизни всегда есть и может быть найден. Человек свободен найти и реализовать смысл жизни, даже если его свобода и ресурсы заметно ограничены объективными и субъективными обстоятельствами, внешними и внутренними ресурсами. При этом человек способен сказать «нет» своим влечениям и привычкам, принять или отвергнуть их. Он имеет возможность подняться над собой и над ситуацией, взять на себя ответственность за свою судьбу и за то, что может изменить, и смириться с тем (сложив с себя ответственность), что изменить не может. Человек обладает свободой слушать свою совесть и принимать решения о своей судьбе, изменяться и оставаться прежним собой или другим. Человек есть существо, которое почти постоянно решает, чем он будет в следующий момент: «У каждого грешника есть будущее, у каждого святого есть прошлое», — отмечает О. Уйальд [69, р. 34]. Он также пишет: «В жизни возможны только две трагедии: первая — не получить то, о чем мечтаешь, вторая — получить», «Все мы в сточной канаве, но некоторые смотрят на звёзды» [Ibid. Р. 36; 54]. При этом человек решает только за самого себя. Именно поэтому смысл нельзя передать или навязать, его нужно найти. Смысл — это вездесущее «требование момента», адресованное конкретному человеку. Чувство смыслоутраты или кризиса смысла жизни весьма типично в современном мире: не всем хватает умения и терпения «оттачивать совесть», воспитывать в себе и других чуткость слышать требования, содержащееся в каждой отдельной ситуации. Развитое нравственное сознание дает человеку возможность сопротивляться обману и насилию, не поддаваться конформизму и тоталитаризму, сладким приманкам постоянного «кайфа» и бесконечного исполнения собственных желаний. Быть ответственным — значит быть избирательным, верить далеко не всему, что делают и транслируют окружающие, исполнять далеко не все свои и чужие желания, ориентируясь на истинные нужды. Чтобы не утонуть в потоках изобилия, нужно научиться различать, что существенно, а что нет, что имеет смысл, а что нет, за что отвечать, а за что нет. При этом человек не знает наверняка, постиг ли он смысл своей жизни: «риск» смысловой относительности его жизни связан с переживанием смирения, человек должен признать, что не все доступно его пониманию. Готовые решения и понимания кажутся подчас удовлетворяющими потребность человека в понимании и определенности: в контроле или власти над собой или миром, дающей гарантии стабильности, существования. Достаток и изобилие, в том числе смысловой достаток и изобилие, хотя и удовлетворяют данную потребность, но не реализуют стремление к смыслу. Поэтому люди ищут «спасения» от духовно-нравственного кризиса, используя наркотики, а также меняя религии, религиозные культы (секты), образы жизни и сообщества (группы членства). Цель многих таких групп, включая религиозные, декларируется как развитие человека и спасение души, как самоосуществление, поэтому она оказывает психотерапевтическое, развивающее воздействие, дает человеку возможность утвердить себя, осмыслить себя в трансцендентном — в абсолютном, осмыслить себя как в наличной ситуации, так и в жизни в целом, как человека — жителя повседневности, так и Бога — жителя мира. Наркомания как аддикция — всего лишь один из (деструктивных) способов разрешения конфликта человека с обществом. В жизни разные способы переплетаются: чувствуя неудовлетворенность, человек пробует то одно, то другое. Его цель — продуктивное

разрешение конфликта, которое поможет и человеку, и обществу. Но не всегда именно так она осознается и не всегда она именно так разрешается: уровень преждевременной смертности среди наркоманов весьма высок.

В. Франкл писал, что вопрос о том, что делать, чтобы жизнь стала осмысленной, в корне ложен, так как исходит из представления о некотором планируемом и осуществляемом человеком замысле. Однако смыслы не вложены в жизнедеятельность. «Неослепленность никаким человеческим делом, свобода от него есть первое условие искания смысла жизни. Смысл — это точка опоры для собирания личности» [7, с. 106]. Человек должен тренировать в себе мужество и выносливость: «... судьба... имеет двойкий смысл: он должен ее формировать, где это возможно, и — где это необходимо — достойно принимать ее, терпеть... «бездеятельному», пассивному страданию также присущ... смысл всякого страдания... человек должен остерегаться соблазна преждевременно... сдаться, слишком легко приняв ситуацию за судьбу... Лишь когда он не имеет более возможности реализовывать созидательные ценности,... тогда лишь наступает время реализовывать ценности отношения, тогда... имеет смысл «взвалить на себя крест» [Там же].

Исполненность понимается как удовлетворение, соответствие, ценность мира и самоценность, как переживание глубокого внутреннего согласия с тем, что имеет место быть, или с тем, что сделано; также это переживание соответствия, с одной стороны, своей сущности, а с другой — обстоятельствам. В периоды социальных кризисов достичь ее оказывается очень сложно: и внешние, и внутренние обстоятельства приводят человека к потере удовлетворенности собой и миром, побуждают к поиску новых, более стойких и общих смыслов, позволяющих переживать полноту бытия даже в самых неоднозначных и сложных ситуациях. К. Ясперс писал: «Мы не можем сделать себе свободу — она дарится нам. Мы не свободны по причине себя самих, мы получаем себя в нашей свободе себе в подарок и не знаем, откуда. Не через себя самих мы есть, дело обстоит таким образом, что мы не можем хотеть нашу волю, что мы не можем планировать то, чем мы сами являемся в нашей свободе, что в значительно большей степени исходом всех наших планов и желаний является то, в чем нам нас дарят» [53, s. 48]. В работах К. Ясперса страдание и борьба, смерть и случайности, вина и свобода являются основными данностями бытия, которых человек не может ни избежать, ни изменить, а столкновение с ними — «пограничные ситуации», которые нужны для того, чтобы радикальным образом потрясти субъекта в его бытии и тем самым пробудить для экзистенции [52, bd. I, s. 56]. Единственная имеющая смысл реакция на пограничные ситуации состоит в том, чтобы не избегать, а открыто идти им навстречу, дабы наша экзистенция могла состояться [54, s. 20]. «Познать пограничные ситуации и Существовать — это одно и то же» [52, bd. II, s. 204]. Концепция фундаментальных мотиваций опирается на опыт познания «границы», который ведет к «пробуждению для экзистенции», переживанию более или менее трагичных и масштабных пограничных ситуаций, о которых говорит К. Ясперс и другие исследователи смыслоутраты. «Экзистенция — это бытие самим собой, которое соотносится с собой и через это — с трансцендентным, на котором оно основывается и благодаря которому оно знает, что подарено самому себе» [54, s. 51]. Или в религиозной формулировке: «Бог есть для меня в той степени, в какой я подлинно существую» [Ebd.].

С точки зрения А. Лэнгле, «бытие-в-отношениях» является важной частью сущности экзистенции: ведущие, фундаментальные экзистенциальные мотивации применимы не только к осмыслению личностью своей жизни, но и к межличностным отношениям, в которых состоит человек [18; 56; 58; 64]. В близких отношениях актуализируется бытие и смысл бытия личности. С помощью других и в общении с ними у человека появляется возможность прийти к более сущностному и аутентичному бытию, человек становится или развивается как личность благодаря взаимодействию с другими. В распавшихся или распадающихся отношениях у людей формируется дефицит в одной

или нескольких фундаментальных мотивациях, включая мотивации исполнения и переживания осмысленности жизни и самореализации. Собственные дефициты приводят человека к формированию и развитию деформированного, ареалистичного образа партнера и мира, его идеализации или дереализации иного типа. Когда человек может восполнять свои экзистенциальные дефициты и исполнять смыслы жизни в других жизненных сферах, может опираться на самого себя, то привычный образ партнера и мира рушится, отношения распадаются или трансформируются [18]. Таким образом, неисполненность мотивации к смыслу рождает зависимость. Типичными признаками зависимости в близких межличностных отношениях выступают слияние и растворение личностных границ партнеров, человека и мира, потеря доступа к собственной личности и невозможность равных партнерских отношений, когда один из партнеров доминирует, другой — подчиняется. Р. Лейнг постулировал, а П. Экхардт, ученица Р. Лейнга, подтвердила эмпирически, что самооценność складывается из двух основных компонентов: из переживания собственной ценности, то есть из отношения к ценности собственной жизни, и переживания признания ценности собственных достижений [47; 48; 56; 64].

Р. Ассаджиоли отмечает, что «есть особый тип людей — «идеалистический»... особо остро переживая душевные кризисы, претерпевает в своей душевной жизни внезапную трансформацию, которая застаёт его врасплох...» [2, с. 109]. Нередко интенсивная и обширная трансформация возникает в процессе переживания многочисленных разочарований, сильных душевных потрясений, например вследствие одновременной потери близкого человека, работы, здоровья и т.д., в случае макросоциальных стрессов типа столкновения с миграциями, ЧС, войнами, инвалидизациями и т.д. Иногда «достаточно» регулярных конфликтов в семье, унижения, недоверия, непонимания. Иногда трансформация вообще протекает без каких-либо заметных внешних причин: среди внешнего разностороннего благополучия и удачи в делах и семейных отношениях у человека возникает неясное беспокойство, чувство неудовлетворенности, экзистенциальной пустоты или исчерпанности. Часто, однако, наркомании предшествует эпизод или серия эпизодов, в которых человек осуществил «неправильный», разрушающий его жизненные смыслы выбор и/или столкнулся с таковыми посредством тех или иных чрезвычайных ситуаций, травмы или конфликта. Исчерпанность, в отличие от исполненности, не позволяет человеку быть счастливым от того, что у него есть он и его жизнь, но побуждает искать что-то иное: «настоящего себя», «настоящую жизнь», «истинные ценности» и т.д.

Экзистенциальная фрустрация распространяется наиболее активно в группах, по тем или иным причинам социально уязвимых. В экзистенциальном вакууме на почве пустоты и бессмысленности жизни активизируются либидо (секс и иные желания, направленные на получение удовольствия) и агрессивное «деструдо» (желания, направленные на разрушение). При этом к наркомании в ее разных видах склоняются молодые и взрослые люди, не имеющие ясных смысловых перспектив в своей жизни. Человек обычно страдает от отсутствия чего-то неопределенного «то — не знаю, что», поэтому к нему приходит чувство нереальности, суетности и никчемности будничной, повседневной жизни, ее забот и нужд. Личные интересы, которые занимали человека, теряют свою ценность. Человек начинает размышлять о смысле жизни, об истоках собственного и чужого счастья и страдания, об оправдании человеческого неравенства и о сходстве людей, о происхождении человека и человечества и о цели человеческого существования. Такие люди чаще других оказываются в рядах наркоманов — искателей эзотерической/духовной истины, а также устойчивых и латентно (скрыто) асоциальных групп алкоголиков, внутренне и внешне отчуждённых от своих семей и остального сообщества, а также членов различных сект и других религиозных организаций, обещающих «духовное пробуждение» и «духовное преображение», самореализацию и т.д. Иногда — становятся членами преступных группировок (открытой организованной

преступности), включая террористические группы. Они чаще, чем остальные, склонны к суицидам и иным радикальным попыткам выхода из кризиса экзистенциальной опустошенности, неисполненности. По мнению Р. Ассаджиоли, эти люди характеризуются чрезмерной требовательностью к себе, которая порождается неуверенностью в себе, неудовлетворенностью и неопределенностью личностной позиции; активным стремлением найти смысл жизни, что часто побуждает человека к вступлению в различные группы (группа алкоголиков, «системы» наркоманов, прорелигиозные культы традиционного или нетрадиционного характера). Эти люди обычно испытывают потребность безгранично верить носителям истинного смысла жизни, в том числе обещаниям лидеров, которые убеждают, что «истинный смысл жизни» можно обрести, только вступив в эту организацию и разделив верования членов секты или аналогичной по своему духу организации [Там же. С. 111]. Таким образом, человек выбирает наркоманию как попытку решения собственных проблем: обычно эти проблемы переоцениваются в отношении стремления к исполнению многочисленных, навязанных обществом желаний и недооцениваются в отношении действительно важных стремлений и нужд. Налицо — конфликт общества и человека, невозможность для человека найти себя и смысл своей жизни в обществе.

2. Наркомания как деформация ценностей и смыслов жизнедеятельности: личностные и межличностные аспекты

В современном, социально нестабильном мире число людей, более или менее осознанно и развернуто переживающих духовные и социальные кризисы и иные проблемы, сталкивающихся с повседневными, типичными и трансординарными перегрузками, людей, переживающих состояния «экзистенциального вакуума» и экзистенциальной неисполненности, тупика и фрустрации, страдающих от расстройств, вызванных этими и иными причинами духовно-нравственного плана, все увеличивается. Люди становятся все более отчужденными от общества, друг от друга и самих себя.

Помимо интенсивных внешних воздействий, стрессов и дистрессов, нужно, как мы отметили ранее, учитывать и личностные особенности. Многие люди, страдающие от аддикций, являются часто высокочувствительными, одаренными, сложными индивидами, чье развитие было заторможено и деформировано, но они стараются найти выход, в том числе через поиск смысла жизни. Людям, ищущим смыслы жизни, в том числе — «высшие», предельные смыслы бытия человека, свойственны впечатлительность и рефлексивность, требовательность к себе и миру, что обостряет для них важность и остроту данного вопроса. Многие группы людей и отдельные индивиды ставят и решают для себя этот вопрос, не превращая его в «идею фикс», поскольку гармоничное, «нормальное», а по сути, «междукризисное» существование и развитие предполагает смысл, а не его поиски. Анормальное существование, существование в период кризисов (социальных и личностных) так или иначе соотносено с затрудненностью, невозможностью найти новый смысл. Подчас — с невозможностью найти «хотя бы какой-то смысл» в жизни, что лишает человека внутреннего покоя подчас еще больше, чем само событие или факт потери, очень редко — вдохновляет, обычно — не дает возможность решать другие проблемы и продуктивно заниматься чем-то другим до разрешения вопроса. Таким образом, макросоциальные кризисы и конфликты побуждают человека пересматривать свои отношения с собой и миром, свои ценности. У кого-то это получается относительно безболезненно, кто-то сталкивается с психическими и соматическими болезнями, несчастными случаями, в том числе со случайной или намеренной смертью.

Современные исследования аксиологических причин наркоманий (в психологии, медицине и социологии) во многом пересекаются с классическими, и отмечается, что наркомании относятся к социально значимым нарушениям, часто наиболее активно развивающимся в ситуациях интенсивных и длительных макросоциальных и

микросоциальных потрясений. Отмечаются сложности определения научного статуса понятия «наркомания», в том числе рассмотрения ее как психологической/психической, социальной/нравственной или комплексной аномалии. Наркомания рассматривается как:

- а) психическая или психосоматическая болезнь, нарушение функционирования и развития организма, его функций и органов [1; 3; 13; 31; 44];
- б) как аддикция — вид неправильного, в том числе преступного, поведения, связанного с реализацией навязчивой потребности в определенной деятельности, включая употребление алкоголя или иного наркотика [29; 32; 50; 52];
- в) нравственное/личностное нарушение, причиной которого является эгоцентризм — отказ от развития и десакрализация, описанные еще А. Маслоу, и нарушения в межличностных отношениях [7; 8; 13; 14; 15; 25; 33].

Многие из этих исследований обращены на поиск направлений психотерапевтической помощи и/или анализ нарушений помощи наркозависимым, в том числе, в рамках «манипулятивных», псевдопсихотерапевтических практик и подходов различных сект [4; 23; 24; 33; 34; 43; 52; 65]. В любом случае, работа с людьми, страдающими от алкоголизма и (иных) наркоманий, — сфера множественных, часто синтетических или маргинальных подходов и теорий, ставящих перед исследователем больше вопросов, чем дающих ответов.

За рубежом, на Западе, а теперь и в России наиболее известны практики Группы анонимных наркоманов и распространяемые ими технологии самопомощи и взаимопомощи, а также пособия по «борьбе» с наркоманией как преступной деятельностью [50]. В таких пособиях приводятся пошаговые методы, используемые для расследования и предотвращения преступлений, связанных с наркотиками, для помощи наркоманам и их семьям на разных стадиях зависимости и многое другое. Часто они представляют собой справочные руководства, которые могут использоваться по мере необходимости в течение всей деятельности специалиста и/или всей жизни человека, имеющего ту или иную аддикцию/зависимость [50; 52; 60; 65; 66]. Эти книги обычно помогают поддерживать веру людей в исцеление и изменение: «Каждый раз, когда мы сдаемся, мы снова находим, что отчаяние, которое бросает нас на колени, поддерживает страсть, которая несет нас вперед. Когда надежда проявляется в реальности, наша жизнь меняется. Наш опыт подтверждает то, во что мы верим, а вера превращается в убеждение. Когда наша вера превращается в убеждение, программа, которую мы когда-то пытались практиковать, становится частью нашего существа. Мы находим здесь то, что мы искали все время: связь с другими, связь с Высшей силой, связь с окружающим миром. И, что самое удивительное, связь с нами» [67, р. 3]. Работа в рамках подобных групп включает все традиционные подходы: психоанализ, бихевиоральную и когнитивную модели, гуманистическую психотерапию и т.д.

В России традиционно востребован деятельностный подход с акцентом на роли ценностно-смысловых аспектов жизни человека с аддикциями и его отношений с окружающими. В рамках клинико-психологического направления отмечается роль условий развития личности. Так, показательна позиция П.Д. Шабанова и О.Ю. Штакельберга, согласно которой ведущую роль в этиологии наркоманий занимают личностно-психологические особенности, среди которых наиболее значимы незавершенное или нарушенное формирование мотивационно-установочной и нравственно-ценностной сфер личности [44]. Как полагают А.В. Сухарев и Е.А. Брюн, формирование и развитие аддикций часто обусловлено и биологическими причинами, и психологическими, начиная с деформаций взаимоотношений в семье, в детских учреждениях, а также разрушением традиционных нравственных ценностей и основанных на них воспитания и бытия [32].

В рамках деятельностно-смыслового подхода ученые и практики, такие как Б.С. Братусь, В.А. Петровский и многие другие современные исследователи отмечают, что проблему наркозависимости необходимо рассматривать прежде всего во взаимосвязи с ценностно-смысловыми аспектами становления личности [12; 13; 14; 17]. Б.С. Братусь, вслед за В. Франклом, выделяет категорию смысла жизни как насущную потребность, которая связана с базовым противоречием ограниченности, смертности индивидуального бытия и всеобщей родовой сути человека [7, с. 47; 8, с. 37]. Согласно Б.С. Братусю, в процессе употребления алкоголя и наркотиков происходит «сдвиг мотива на цель», ведущую к сужению мотивационных устремлений, к фиксации человека на отдельных элементах ранее развернутой и сложной деятельности. Наркотик предстает в качестве мотива: он становится центром расширяющейся аддиктивной деятельности, подчиняя себе иные мотивы, превращающиеся из «реально действующих» в «только знаемые»; происходит дереференция (опустошение) ценностей, и формируется новая иерархия мотивов и ценностей [7; 8]. Развивая деятельностную (деятельностно-смысловую) модель человеческого бытия, В.А. Петровский пишет: «Процесс поиска смысла жизни — это проявление активно-неадаптивных тенденций самосознания... если вопрос о смысле жизни... становится основанием специальной деятельности, результатом усилий на этом пути может стать возникновение депрессий или неврозов» [27, с. 311]. В.А. Петровский продолжает линию исследований соотношения тенденций индивидуации и обособления с тенденциями интеграции, включения, отмечая, что ради принадлежности к сообществу человек нередко жертвует самим собой, а затем, что неудивительно, жертвует миром в попытках вернуть самого себя. Стремлением хотя бы временного и частичного освобождения от постоянного напряжения, вызванного конфликтом с собой и миром, разъясняет причины алкоголизма и иных наркоманий и Ф. Патаки: в некоторых этно-национальных, региональных культурах и субкультурах могут формироваться и передаваться модели решения конфликта, связанные с тем или иным видом девиантного поведения, в том числе с аддикциями [26]. Так, во многих современных обществах дети, подростки и молодежь связывают с представлениями «взрослости» и «мужественности» курение и употребление алкоголя, иных наркотиков. Другая причина девиантного/аддиктивного поведения, по Ф. Патаки, — разрушение социально ценных норм: нравственных, правовых и т.д. Дисгармонию ценностно-смысловых образований у этой группы людей отмечают также И.А. Кудрявцев, Г.Б. Морозов и др. [29, с. 88.]: у людей этой группы часто наблюдается задержка личностного и межличностного развития, начиная с несформированности и деформаций на уровне нравственной сферы, в том числе непрочности главной смысловой линии личности, соотносимой со смыслом жизни, и заканчивая задержками и деформациями в сфере развития моделей общения.

Р. Ахмеров отмечает, что «по своим психобиографическим характеристикам больные алкоголизмом характеризуются наличием строгих критериев оценки своих достижений и, возможно, высоким уровнем притязаний в жизни; имеют большее количество жизненных программ, рассчитанных на короткие периоды; последнее, скорее всего, является результатом желания и попыток начать новую жизнь после длительных запоев и конфликтов с окружением; переживают нереализованность в прошлом, отсутствие значимого настоящего (опустошенность) и бесперспективность; однако у них сохранилась (или появилась в результате лечения) надежда на позитивное, продуктивное будущее; надо полагать, что причины алкоголизма связаны и с детскими периодами жизни» [3, с. 66]. По его мнению и мнению иных исследователей, данная проблема связана с подростковым периодом развития, в котором происходит расслоение внутреннего и внешнего «Я», «внутренних» нужд и «внешних» желаний человека, противоречия между которыми рожают противоречия, конфликты человека с собой и миром [3; 12; 14; 15]. На наш взгляд, это пересекается с идеей экзистенциалистов о том, что в подростковом возрасте человек начинает жить как самостоятельное, автономное по отношению к семье, существо: если семья научила его справляться (исследовать и преобразовывать) с «непонятными» проявлениями внутреннего и внешнего мира, то процесс взросления проходит относительно спокойно и

продуктивно. Если нет, то бывший ребенок остается с миром «один на один»: и с миром не только и не столько внешним, сколько внутренним [10; 19]. Р. Ахмеров также замечает, что у больных алкоголизмом «наблюдаются строгие критерии оценки своих достижений, самореализации... не гибкость следует рассматривать как один из факторов риска заболевания алкоголизмом. В наркомании проявляется сильно выраженный смысложизненный вакуум... отсутствие умения личности найти смысл своей жизни у лиц склонных к наркомании» [3, с. 67]. При этом «обедненное» значимыми позитивными событиями жизни детство повышает риск деструктивного пути самореализации»; «алкоголизм — это следствие отсутствия способности примириться с реальным течением жизни, а наркомания — следствие отсутствия способности найти смысл своей жизни в целом» [Там же]. Таким образом, один из фокусов исследования наркоманий — особенности ситуации употребления различных веществ. На наш взгляд, для врача подобные дифференциации, в том числе дифференциации алкоголизма и наркоманий (в узком смысле слова), весьма значимы, однако для психолога и священника важнее общее отношение человека к себе и миру, готовность к развитию и ресакрализации. Это обосновывается и эмпирически: так, Ю.А. Васильевой выявлена несформированность системы личностных ценностей у лиц с нарушениями социальной регуляции поведения. Она отмечает, что данный факт обуславливает «закрытость» наркозависимых по отношению к принятию новых ценностей и пересмотру имеющихся [9]. Таким образом, эмпирически подтверждается тезис А. Маслоу о «застывшем развитии», об отказе от развития [21] и десакрализации.

Литература

1. Александров Д.Ю., Булыгина И.Е. Системы ценностей больных наркоманий // Материалы IV съезда психиатров, наркологов, психотерапевтов, медицинских психологов Чувашии / науч. ред.: А.В. Голенков. – Чебоксары: Чуваш. гос. университет им. И.Н. Ульянова, 2010. – С. 321–323.
2. Ассаджиоли Р. Типология психосинтеза: семь основных типов личности. Духовное развитие и нервные расстройства / пер. с нем. – М.: Урания, 1995. – 124 с.
3. Ахмеров Р. Динамика продуктивности жизни в самосознании у больных алкоголизмом и наркоманией // Современные проблемы психологии и управления: сб. науч. статей. – Набережные Челны: Институт управления, 2004. – С. 61–78.
4. Баймухаметов С. Сны золотые. Исповеди наркоманов. – М.: Знание, 1998. – 160 с.
5. Батищев В.В., Батищева Н.В. Осторожно: новые зарубежные технологии работы с наркологическими больными // Вопросы наркологии. – 2005. – № 6. – С. 54–67.
6. Бельков С.Н. Фенотипические особенности духовно-ориентированной реабилитации наркозависимых женщин // Наркология. – 2011. – Т. 10, № 2(110). – С. 94–99.
7. Братусь Б.С. К изучению смысловой сферы личности // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 1981. – № 2. – С. 46–56.
8. Братусь Б.С. Аномалии личности. – М.: Мысль, 1988. – 301 с.
9. Васильева Ю.А. Особенности смысловой сферы личности при нарушениях социальной регуляции поведения // Психологический журнал. – 1997. – Т. 18, № 2. – С. 58–75.
10. Виилма Л. Прощаю себе: в 4 т. – Екатеринбург: У-Фактория. – Т. 1, 2004. – 720 с.; Т. 2, 2007. – 640 с.
11. Гидденс Э. Социология / пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 1999. – 704 с.
12. Грязнов А.Н. Иерархия ценностей больных алкоголизмом // Неврологический вестник. Журнал им. В.М. Бехтерева. – 2005. – Т. 37, № 3–4. – С. 54–62.
13. Грязнов А.Н., Асылова З.Р. Интерперсональные отношения лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией // Казанский педагогический журнал. – 2009. – № 7–8. – С. 96–103.

14. Данилин А.Г. Трансовые состояния и экзистенциальная психология наркомании // Психология зависимости: хрестоматия / сост. К.В. Сельченко. – Минск: Харвест, 2007. – С. 274–293.
15. Емельянова Е.В. Кризис в созависимых отношениях. Принципы и алгоритмы консультирования. – СПб.: Речь, 2004. – 368 с.
16. Исцеление от «рая»: реабилитация и самопомощь при социальной зависимости / под ред. Е.Н. Волкова. – СПб.: Речь, 2008. – 392 с.
17. Килина И.А. Теоретические предпосылки исследования проблемы деформации ценностно-смысловой сферы личности как фактора наркозависимости подростков // Сибирская психология сегодня: сб. науч. трудов / отв. ред. М.С. Яницкий. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. – Вып. 1. – С. 292–297.
18. Кривцова С.В., Лэнгле А., Орглер К. Шкала экзистенции (Existenzskala) А. Лэнгле и К. Орглер // Экзистенциальный анализ. – 2009. – № 1. – С. 141–170.
19. Лазарев С.Н. Воспитание родителей. Ответы на вопросы. – СПб.: Диля, 2009. – 240 с.
20. Лангоуни М.Д. Контрольный список характеристик культа // Журнал практического психолога. – 2000. – № 1–2. – С. 148–150.
21. Маслоу А. Мотивация и личность. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2012. – 354 с.
22. Международная Академия Трезвости. Собириология / под ред. проф. А.Н. Макурова. – Н. Новгород, 2009. – 440 с.
23. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, 2006. – 873 с.
24. Мюррей М. Метод М. Мюррей: международно признанный метод становления здоровой уравновешенной личности. – СПб.: Шандал, 2012. – 416 с.
25. Николаев В. Из рода в род. – М.: Софт Издат, 2010. – 208 с.
26. Патаки Ф. Некоторые проблемы отклоняющегося (девиантного) поведения // Психология личности в социалистическом обществе: Активность и развитие личности: сб. ст. / отв. ред. Б.Ф. Ломов, К.А. Абульханова. – М.: Наука, 1989. – С. 145–158.
27. Пелипас В.Е. Этические проблемы реабилитации наркологических больных // Вопросы наркологии. – 2005. – № 6. – С. 42–53.
28. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. – М.: Смысл, 1992. – 320 с.
29. Психологический анализ смыслообразующих факторов делинквентного поведения подростков / И.А. Кудрявцев, Г.Б. Морозова, А.С. Потнин [и др.] // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17, № 5. – С. 76–89.
30. Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М.: Прогресс, 1994. – 480 с.
31. Россия реформирующаяся: ежегодник / под ред. Л.М. Дробижевой. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – 536 с.
32. Сирота Н.А., Ялтонский В.М. Профилактика наркомании и алкоголизма: учеб. пособие. – М.: Академия, 2003. – 176 с.
33. Сухарев А.В., Брюн Е.А. Сравнительное психологическое исследование этнофункциональных рассогласований у страдающих героиновой наркоманией, алкоголизмом и аффективными расстройствами // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19, № 3. – С. 90–97.
34. Терещенко Н.В. Роль духовного фактора в работе с патологически зависимыми людьми // Философия и наука. – 2013. – Т. 12. – С. 237–241.
35. Трунов Д.Г. Религиозные организации и психотерапия // Журнал практического психолога. – 2000. – № 1–2. – С. 40–56.
36. Франкл В. Поиск смысла жизни и логотерапия // Психология личности / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. – М.: Моск. гос. университет, 1982. – С. 118–121.
37. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
38. Франкл В. Доктор и душа. – СПб.: Ювента, 1997. – 288 с.

39. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. – М.: АСТ, 2006. – 571 с.
40. Хассен С. Освобождение от психологического насилия. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2003. – 400 с.
41. Хеллинггер Б. Источнику не нужно спрашивать пути. – М.: Институт консультирования и системных решений, 2013. – 320 с.
42. Хоружий С.С. От синергичной антропологии к социальной философии, или диалог с Максом Вебером // Хоружий С.С. Новые методы в решении фундаментальных проблем социальной философии: синергичная антропология. – Казань: Познание, 2009. – С. 6–20.
43. Хоружий С.С. Трансформативная антропология глазами синергичной антропологии (к проблеме Постчеловека) // Фонарь Диогена. Проект синергичной антропологии в современном гуманитарном контексте. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – С. 767–786.
44. Чеснокова И.А. Влияние сект, культов и нетрадиционных религиозных организаций на личность и ее жизнедеятельность: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2005. – 260 с.
45. Шабанов П.Д., Штакельберг О.Ю. Наркомании. Патопсихология, клиника, реабилитация. – СПб.: Лань, 2001. – 464 с.
46. Шельгин К.В., Червина Н.А. Профилактика наркоманий и алкоголизма / под ред. П.И. Сидорова. – Архангельск: Сев. гос. мед. университет, 2007. – 55 с.
47. Ширшов В.Д., Ширшов С.В. Педагогическая сабриенология // Педагогіка та психологія: збірник наукових праць / за заг. ред. акад. І.Ф. Прокопенка, чл.-кор. В.І. Лозової. – Харків, 2011. – Вип. 40. – Ч. 3. – С. 140–146.
48. Eckhardt P. Selbstwert und Werterleben aus existenzanalytischer Sicht. Die Konstruktion des Selbstbeurteilungsfragebogens. – Wien: Unveröffentlichte Diplomarbeit, 1992. – 120 p.
49. Eckhardt P. Skalen zur Erfassung von existentieller Motivation, Selbstwert und Sinnerleben // Existenzanalyse. – 2001. – Vol. 18, № 1. – P. 35–39.
50. Frankl V.E. The Unconscious God: Psychotherapy and Theology. – New York: Simon and Schuster, 1975. – 161 p.
51. Henning J. Practical Narcotics Investigations: For the Uninformed Officer to the Experienced Detective. – New York: Xlibris, 2005. – 494 p.
52. K. Jaspers. Philosophie: in 3 Bd. – 3 ed. – Berlin, 1956.
53. Jaspers K. Chiffren der Transzendenz. – München: Piper, 1984. – 320 p.
54. Jaspers K. Einführung in die Philosophie. – München: Piper, 1986. – 280 p.
55. Just for Today: Daily Meditations for Recovering Addicts. – New York: Narcotics Anonymous, 1992. – 389 p.
56. Krech G. Naikan: Gratitude, grace, and the Japanese art of self-reflection. – New York: Stone Bridge Press, 2001. – 220 p.
57. Längle A. Existenzanalyse – Existentielle Zugänge in der Psychotherapie. – Wien: Facultas, 2016. – 240 p.
58. Längle A. Why do we suffer? Understanding, treatment and processing of suffering in terms of existential analysis // National Psychological Journal. – 2016. – № 4. – P. 23–33.
59. Längle A., Orgler C., Kundi M. The Existence Scale. A new approach to assess the ability to find personal meaning in life and to reach existential fulfilment // European Psychotherapy. – 2003. – Vol. 4, № 1. – P. 135–151.
60. Miki Y. Naikan Therapy – A Way of Self-Discovery and Self-Renewal. – New York: Weissman Press, 2015. – 54 p.
61. Narcotics Anonymous. – New York: Narcotics Anonymous, World Service Office, 2008. – 425 p.
62. Ozawa-de Silva Ch. Demystifying Japanese therapy: an analysis of Naikan and the Ajase complex through Buddhist thought // Ethos. – 2007. – Vol. 35, № 4. – P. 411–446.

63. Paulhus D.L., Williams K.M. The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy // *Journal of Research in Personality*. – 2002. – Vol. 36, № 6. – P. 556–563.
64. Re-examining Machiavelli: A three-dimensional model of Machiavellianism in the workplace / S.P. Kessler, A.C. Bandei, P.E. Spector [et al.] // *Journal of Applied Social Psychology*. – 2010. – Vol. 40, № 8. – P. 1868–1896.
65. Schuh J. Naikan The World of Introspection: Finding Inner Peace and Discovering Yourself. – Bielefeld: tao.de in J. Kamphausen, 2016. – 258 p.
66. Stanley A. How to quit drugs: how i survived 1000 days without drugs and learned to enjoy life (festival addict). – New York: NA, 2017. – 140 p.
67. Suzuki Y., Ueno H. Studies on sensory deprivation. III. Part 4. The effect of sensory deprivation upon "speed anticipation" and "time estimation" // *Tohoku Psychol. Folia*. – 1965. – Vol. 23. – P. 63–66.
68. The Narcotics Anonymous Step Working Guides. – New York: Narcotics Anonymous, 1998. – 24 p.
69. Unknown J. Living Clean: The Journey Continues. – New York: NA, 2012. – 258 p.
70. Wilde O. Lady Windermere's Fan. – London: Dover Publications, 2011. – 64 p.
71. Wilson D.S., Near D., Miller R.R. Machiavellianism: A synthesis of the evolutionary and psychological literatures // *Psychological Bulletin*. – 1996. – Vol. 119, № 2. – P. 285–299.

Drug addiction and social instability: in search of the meaning of life and themselves. Part 1. Traditional and modern studies of drug addiction

Arpentieva M.R.^{1, 2}
E-mail: mariam_rav@mail.ru

¹ Tsiolkovskiy Kaluga State University
26 Stepan Razin str., Kaluga, 248023, Russia
Phone: +7 (4842) 57-80-38

² Yugra State University
16 Chekhov str., Khanty-Mansiysk, Khanty-Mansi Autonomous Area – Yugra, 628012, Russia
Phone: +7 (3467) 357-871

Abstract. One of the most destructive reactions to the social crisis is the loss of meaning of life. This crisis occurs because of the desire of man to become better and make the world a better place. It creates instability of relations in society. The reason is that many people only declare the desire for development and improvement. This fraud occurs as a result of the understanding that even those who are close to him and broadcast data as a common goal, not only become "better", but demonstrate the actions and attitudes experienced by man as a betrayal of moral values, a betrayal of ourselves and of other people. The social crisis and instability in social relations not only lead to disappointment in themselves and in people, but sometimes in a total despair to find true, immutable values-as the basis of being and meaningfulness of life, despair of finding in the world of people "true believers" living according to the laws of love. Some processes often-lead people to addiction, the treatment of which in the necessary way was be accompany by assistance in the restoration and realization of the meaning of life. Drug addiction as an attempt to resolve a conflict of values during periods of social instability leads people to seek out the meaning of life and of themselves. On this path, a person realizes either the strategy of transgression and desacralization, leading to the self-destruction and destruction of peace and culture, or the strategy of transcendence leading to the restoration and rehabilitation and development of man, society and culture.

Key words: drug addiction; the meaning of life; faith; betrayal; despair; frustration.

For citation

Arpentieva M.R. Drug addiction and social instability: in search of the meaning of life and themselves. Part 1. Traditional and modern studies of drug addiction. *Med. psihol. Ross.*, 2018, vol. 10, no. 5, p. 2. doi: 10.24411/2219-8245-2018-15020 [in Russian, abstract in English].

